

виявлення варіантів вимови і їхня ієрархізація у конкретному ідіолекті виявляється зумовленою сукупністю параметрів стратифікаційної і соціальної фонетичної варіативності як суттєвої характеристики фонологічної системи мови.

Соціолінгвістичний аспект дослідження варіативності передбачає встановлення залежності особливостей вимови від різних соціальних характеристик мовців (стать, вік, рівень освіти, професійна приналежність, походження, місце народження і т.і.) і від умов мовленевої ситуації. Урахування цих факторів спрямовує вивчення живого мовлення в соціологічно орієнтований напрям.

Соціальний статус носія мови тісно пов'язаний з поняттям „стилю вимови, який встановлюється лише з детальною характеристикою соціального „обличчя” мовця. З точки зору психології і фізіології стилі вимови - це „акустичні еквіваленти перебудов внутрішнього середовища організму”, які в свою чергу, корелюють зі змінами ситуації спілкування [10, с.43]. Основною одиницею соціальної стратифікації мови є соціолект – типовий для певної соціальної групиносіїв мови варіант, однією з характеристик якого постає фактор статі мовців, чи сексолект. Дихотомія чоловіче/жіноче перебуває в центрі уваги медицини, біології, психології, соціології, культурології та інших наук. Гендерна варіативність мовленевої поведінки є предметом для вивчення на різних рівнях мови, в тому числі і на фонетичному. За умови рівності інших соціальних умов чоловіки і жінки обирають різні стратегії мовленевої поведінки, що виявляється в моделях побудови текстів, у використанні мовних засобів, в асоціаціях, що виникають у жінок і чоловіків.

Вивчення гендерної варіативності у вимірах соціофонетики дозволяє встановити наявність не абсолютних особливостей вимови в мовленні чоловіків і жінок, а розбіжності вимови щодо конкретних фонетичних перемінних, які підтверджують виділення чоловічого і жіночого гендерлектів. Гендерна варіативність впливає на вибір засобів на сегментному і супraseгментному рівнях.

Джерела та література

1. Серебренников Б.А. Об относительной самостоятельности развития системы языка. – М.: Наука, 1968 – 125 с.
2. Расторгуева Т.А. Дисс. докт. филол. наук. М. – 1980. – 400 с.
3. Z.Gadet F. Le français ordinaire. Linguistique. Paris.: Armand Colin. – 1989.- 182 p.
4. Вербицкая Л.А. Русская орфоэпия (К проблеме экспериментально-фонетического исследования особенностей современной произносительной нормы). Л.: Изд-во ЛГУ, 1976.-124 с.
5. . Вербицкая Л.А. Давайте говорить правильно. – М.: Высшая школа, 1993. – 143 с.
6. Вербицкая Л.А. Вариатность нормы и типы произнесения // Экспериментально-фонетический анализ речи: Проблемы и методы: Межвуз. сб.- СПб: Изд-во СПбГУ. – Вып. 3 . – 1997. – С. 105 -114.
7. Бондарко Л.В., Вербицкая Л. А., Гордина М.В. Основы общей фонетики. – СПб: Изд-во СПбГУ, 1991. -149 с.
8. Маслов Ю.С. Введение в языкознание. – М.: Просвещение, 1986. – 272 с.
9. Ганиев Ж.В. Социофонетика и фоностилистика. К методике эксперимента //Социально-лингвистические исследования. – М.: Наука, 1976. – С. 52-62.

Панченко О.В.

ОБРАЗ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННЫХ ФИЛОСОФСКИХ ТЕНДЕНЦИЯХ

Через всю историю мировой философской мысли проходят размышления над вопросами о сущности человека. Не случайно, в языках многих народов их этническое самонаименование вначале означало просто «люди». В известном смысле данная проблема совпадает с предметом философии как мировоззрения - интегрированной системы знаний о мире, центрированных вокруг субъекта, его ценностей, переживаний, смысла и предназначения в жизни. В современную человекообразную эпоху поиски удовлетворительных ответов на метафизические вопросы: кто есть, и каким должен быть человек? - приобретает жизненно-важное значение, является одной из главных предпосылок дальнейшего существования цивилизации.

Цель статьи состоит в том, чтобы в многообразии современных философских концепций выявить общие тенденции решения антропологической проблемы. Вытекающая из поставленной цели задача заключается в создании перспективного и ожидаемого философского абриса современного человека. Условием выполнения задачи и достижения цели служит сравнительный анализ антропологических знаний предшествующей философии, исследований современных философов и ученых: П. Бергера, И. Бойченко, С. Крымского, К. Лоренца, Н. Моисеева, Н. Оконской, А. Панарина, Б. Поршнева, Э. Тоффлера, Ф. Фукуямы, Ю. Хабермаса, Н. Хамитова и других.

За более чем столетнюю историю существования антропологии как философского направления и многовековую историю философии результаты с точки зрения выработки общепризнанных представлений о всеобщих свойствах человека выглядят достаточно скромными. Прежде всего, это касается многозначности понятия «человек». Но без общего истолкования этой исходной категории невозможно оценить достигнутые результаты решения антропологической проблемы и определить векторы дальнейшего поиска. И все же, в разнообразных интерпретациях можно обнаружить общее. Во-первых, понятие «человек» философы наполняли смыслами, исходя из главных мировоззренческой установок своей эпохи, сравнивая его с другими основными онтологическими категориями - «природа», «общество», «Бог». Во-вторых, уже в первых философских представлениях о Ното, он мыслился как противоречивое существо - чувствующее и мыслящее, свободное и зависимое, добродетельное и порочное и т.п. Смысл третьей особенности заключается в том, что, начиная с философии античности, в становлении духовного образа человека едва ли не главная роль принадлежала словесности. Современная метафизика - рефлексия над «значением» языковых высказываний - яркое тому подтверждение. Следует отметить также историческую закономерность, в соответствии с которой обсуждение антропологической проблематики активизировалось в кри-

зисные периоды социальной эволюции: упадка Римской империи, в период европейского Возрождения, в эпохи буржуазных и социалистических революций, мировых войн, в последние десятилетия, отличающиеся психологическим состоянием общества, близком к «футурошоку» (Э. Тоффлер).

В онтологической модели постантической философии, которую образно можно представить в виде тупоугольного треугольника, человек впервые занял верхнюю позицию, оттеснив социум (вначале в лице церкви, а затем и государства) на второе место, а природу отодвинул в самый нижний угол. Вместе с тем, если в религиозной философии Средневековья углы «космического треугольника» связывала благодать Бога, то в секуляризованном сознании философов Нового времени она постепенно исчезла, оставив индивида один на один с миром. Христианскую веру в богоизбранность человека сменила научная самоуверенность, а затем - безверие, которое Э. Гуссерль назвал «замутнением телоса». Мировоззренческий принцип *ratio* - «Человек - это мыслящий тростник» (Б.Паскаль) - не выдержал ... критики разума. После того как И. Кант провел «демаркационную линию» между имманентными и трансцендентными, рациональными и иррациональными, духовно-практическими и теоретическими свойствами сознания, преодоление этой радикальной «раздвоенности» становится приоритетной задачей философии модерна-постмодерна.

Г. Гегель «восстановил» целостные представления о человеке через «кунштюк» (от нем. *Kunststuck*-фокус): возвестив о тождестве мышления и бытия, в котором субстанциальным является духовное начало, - философ признал эту посылку не гипотезой, а аксиомой. Логическое преодоление антропоцентризма обернулось тем, что «критика субъективности, претендующей на абсолютную власть, превращается по законам иронии в ворчливые упреки философа; он недоволен ограниченностью субъектов, которые до сих пор не поняли ни его идей, ни поступи истории» [7, с.22]. Позитивисты вовсе исключили философско-антропологические вопросы из сферы исследований. Афоризм Л. Фейербаха: «Перед лицом науки на лица не взирают!», - точно предрекает сущность первой, классической волны позитивизма. Одновременно, он содержит намек о тупикивом пути критики философии просвещения - ее же оружием, научной рациональностью. Действительно, «инженерные» попытки структуралистов определить статус индивидуального привели к «исчезновению субъекта» (М. Фуко).

Усилиями преимущественно феноменологов, герменевтов, экзистенциалистов удалось преодолеть многие ограничения классической философии - логоцентристскую трактовку универсальных законов истории, единых для всех стран и народов, линейно-детерминистское видение развития и другие, - приоткрыть глубинные пласты «жизненного мира» людей. Переход от метода объяснения к пониманию, включающему объяснение в качестве момента, замена метафизики сознания метафизикой смыслов способствовали тому, что в современную эпоху различные решения социальных и антропологических проблем слились в руслу двух основных тенденций - деструктивной, репрезентируемой «новейшей» философией постмодернизма и конструктивной, которую по ряду оснований, о которых будет сказано ниже, уместно назвать неоклассической.

«Центробежный» постмодернизм, критикуя «метанарративы» классики (Ж.-Ф. Лиотар), тоталитаризм рациональности (М.Фуко), в то же время разделяет другие установки классического просвещения - идеи свободы и равенства. Но, акцентуируя креативное начало субъекта, признавая равноправие философских «маленьких рассказов», представители «новейшей философии» растворяют живительные источники эволюции - идеалы свободы и равенства - в океане релятивизма и плюрализма. В ходе бесконечной деконструкции текстов блокируется другая, целостно-целостностремительная способность субъектов, стимулирующая творческий процесс, - умение «смотреть вверх», видеть горные вершины, «надысторическое», по определению «ювелира слова» Ф.Ницше. Постмодернистские презумпции в своем логическом завершении ведут к разрыву мышления человека с предметным миром, не способствуют построению устойчивого общества, поиску позитивных ответов на вызовы современной истории. Неудовлетворенность релятивистскими вариантами решения антропосоциальных проблем эпохи заметна и в творчестве основателей философии постмодернизма. Так, в программном произведении «Состояние постмодерна» Ж.-Ф. Лиотар утверждает: «Нет никаких оснований считать, что можно определить метапрескрипции общие для всех языковых игр, и что один обновляемый консенсус (тот, что в определенные моменты главенствует в научном сообществе) может охватить совокупность метапрескрипции, упорядочивающих совокупность высказываний, циркулирующих в обществе» [3, с. 155]. Однако здесь же, оппонируя Ю. Хабермасу, автор признал, что консенсус хорош, как цель, но плох, как средство, ибо каждая языковая игра: денотативная (в науке), прескриптивная (в социальных институтах), ценностная (в практической сфере), - строится на имманентных ее природе принципах. Философ приходит к парадоксальному выводу - «для сложной социальной системы со множеством игр и правил консенсус стал устарелой ценностью, но *«справедливость»* (курсив мой, О.П.) к таковым не относится. Нужно идти к идее и практике справедливости, которая не была бы привязана к консенсусу» [Там же, с 157]. Ностальгическая нота по утраченному общему слышна и в творчестве другого известного бунтарского философа, американца Р. Рорти. Он заявляет, что перестал верить в единую религиозную и философскую «искупительную истину», отказался «от поисков точного описания человеческой природы и универсального рецепта Праведной Человеческой Жизни, - но считает, что «это не повод отказаться от поиска Праведного Всемирного Общества», но не философскими, а литературными средствами [6, с. 41].

Альтернативная «новейшей» философии неоклассическая тенденция, обнаруживаемая и в произведениях классиков постмодернизма, ориентирует на продолжение поиска возможностей гармонизации субъект-объектных отношений. Она конституируется посредством позитивной критики крайностей тоталитаризма власти/знания и агонистики, признанных постмодернизмом главной продуктивной силой, смыслом онто и филогенеза. Неоклассика предлагает сохранить метаисторический взгляд на социальную эволюцию. Руководствуясь принципом «равного неравенства» (Г.Сковорода) смыслов и значений, она предполагает, что для дальнейшего развития, обществу необходимо знать «целевые причины», о которых говорил еще Аристотель. Преодолевая отдельные установки философии просвещения, такие как монолизм, антропоцентризм, сциентизм и другие, неоклассическая интуиция корректирует интеграционную тенден-

цию классики всех времен, укрепляет веру в возможность продвижения к общим идеалам через критическую преемственность многообразного социального опыта, диалог индивидуального и социального, учет взаимодействия рациональных и иррациональных способностей сознания.

Тема универсализации ценностей, гармонизации отношений между главными элементами «онтологического треугольника» звучит лейтмотивом в симфонии европейской и мировой философии. Об этом свидетельствуют

категории: «калокагатия», «пайдейя», «Великий Предел - тайцзи», «нирвана», добродетели Аристотеля и другие. Неоклассическая тенденция едет поиск «золотого сечения», оптимизируя возможности комплексного, системного (объединительного) подхода к исследованию человека. Предполагается, что объемность и понимание обеспечит интеграция результатов исторического развития самого сознания - философской и общенаучной методологии исследования: диалектики, феноменологии, герменевтики, анализа языка, историзма и других. Неоклассическая тенденция реализует идею диалектического тождества мышления и бытия, фокусируя внимание не на какой-либо одной из сторон, а на многообразии форм их взаимодействия. Так, интуицию И.Канта о трансцендентальных условиях научного опыта, пространстве и времени, подтверждают исследования австрийского этолога К. Лоренца, обосновавшего их становление в ходе длительного контакта, «вчувствования» человека в природу [4]. Взаимопроникновение теории и социальной практики позволило открыть неокантианцам именно в «торгашеский» (Ф. Ницше) XIX век аксиосферу - важнейший элемент жизни общества и человека. Достижением европейского рационализма, от Р. Декарта до Э. Гуссерля признается не только разработка рациональных способов познания, но и открытие интеллектуальной и чувственной интуиции, успешно применяемых феноменолого-герменевтической методологией. Взаимосвязь диалектики с феноменологией, герменевтикой, социально-гуманитарными и естественными науками дает плодотворные решения проблем свободы и необходимости, характеризующими сущностные свойства человеческого бытия. Действительно, с точки зрения современной зоологической классификации, человек относится к подвиду *Homo sapiens sapiens*, то есть осознает факт своего понимания. Это отличие является условием его свободного поведения. И, наоборот, благодаря необходимости - сопротивлению природы, социальной ситуации - совершенствуются духовные, рефлексивные способности субъектов, накапливается их «внутренний опыт» (Э.Гуссерль). Системный подход к анализу деятельности, позволил установить ее причины и условия - потребности и ценности, - а в сочетании с экзистенциальной рефлексией определить их источник - «вечную» неудовлетворенность человека сущим, стремление к самореализации. Наконец, «языковые танцы», дискурсы, не только изменяют жизнь субъектов, господствуют над ними. Люди выступают не только агентами, рабами, но и хозяевами языка, знаний-верований, связывающих их с реальностью.

Однако история открыла и негативные последствия деятельности. Как отмечал Э. Фромм, в «благополучных» обществах возрастает число несчастливых людей, ибо рост ожиданий опережает состояние реальных возможностей их удовлетворения. Принцип радикального гедонизма, фундируемый установками философии постмодернизма, с одной стороны, оптимизирует развитие экономики, а с другой - ведет к изоляции членов общества. (Ф.Фукуяма. «Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию». 1995). К. Маркс указал одну из главных сфер отчуждения - производственную. Занимаясь «не сродным трудом» (Г. Сковорода), человек растрчивает физические и духовные силы, разрушает свою природу. В современном обществе главным препятствием самореализации человека является «отчуждение потребления», когда удовлетворенность от обладания вещами становится смыслом жизни. Нейтрализация эгоистической, разобщающей человеческое сообщество тенденции - необходимая предпосылка освобождения как от тоталитаризма рассудка, так и от власти «системы вещей» (Ж. Бодрийяр).

Но философия имеет возможность не только пролонгировать дистацирование «линии Афин» и «линии Иерусалима», а и объединить их в едином стремлении к обнаружению, утверждению и развитию человеческого в человеке. Актуализация этой потенции достигается более органичным, чем прежде, включением рефлексии в процесс становления субъекта на основе общей, объединяющей все другие формы, деятельности - этической. О потребности «цементирующей структур» в сложных системах говорит и современная наука: физика («закон иерархических компенсаций» Е. Седова), зоология, социология. Так, изучая поведение животных, К. Лоренц пришел к выводу, что, «начиная с самых примитивных форм в царстве простейших, жесткие структуры служат столь же важным условием дальнейшей эволюции, как и пластика органического» [4, с.26]. В сверхсложной социальной системе, считал социолог Т. Парсонс, этика выполняет функцию воспроизводства структуры. Особенностью современного понимания этики является необходимость распространения ее на все виды человеческих действий, в том числе - на взаимоотношения с предметным миром. «Может быть, главная особенность современного исторического этапа состоит в том, - отмечал создатель концепции «экогуманизма», академик Н. Моисеев, - что для продолжения своей истории человеку необходимо научиться согласовывать собственную глобальную деятельность с потребностями природы, свое развитие с развитием остальной биосферы» [5, с. 91]. Подобно тому, как удается невозможное искусству - «снять в конечном продукте бесконечное» (Ф. Шеллинг) - в одухотворенных этикой действиях уравнивается противоречие трансцендентного и имманентного, индивидуального и социального. С этой точки зрения постмодернистская интерпретация модели человека Ф. Ницше неприемлема, ибо нарциссизм гения альтернативен эгоизму «серости». Гениальность личности - это интеграл общечеловеческого, тогда как эгоизм сужает мировоззрение до перископа подводной лодки, нейтрализует то самое креативное начало, ради которого «ломает копья» «новейшая» философия. Ответ на антропологический вызов современной истории неоклассический подход предполагает найти в развитии тезиса С. Кьеркегора, который интерпретировал категорический императив И. Канта как взаимную согласованность личного и общечеловеческого. «Истинно необыкновенным человеком является истинно обыкновенный человек. Чем более живым воплощением общечеловеческого является человек, тем большее право именоваться необыкновенным он заслуживает». [2,с.372]. Позднее К. Ясперс, Э. Мунье, Ю. Ха-

бермас предложили считать критерием этических требований признание их всеми членами общества, то есть выдвинули в качестве основополагающего принципа социальных отношений интересобъективность.

Подводя итог краткой характеристике современных философско-антропологических тенденций, постмодернистской и неоклассической, более перспективной представляется последняя. Ее онтологическую модель человека можно представить в виде «монады, имеющей окна» - вселенную в миниатюре. Потенциал «человеко-монады» возрастает в условиях открытости миру, сотрудничества с другими «монадами» и убывает при изоляции, социальной аномии. Русский философ С. Франк отмечал, что самозамкнутость сознания есть признак умственного помешательства. В отличие от материальных монад, индивид может стать личностью, способной вобрать и трансформировать если не все знания человечества, то правила коммуникации и универсальные ценности. Рационально-общее и романтически-индивидуальное начала человека дополняют друг друга. Основой объединения становится не пиетет перед прошлым, и не тотальная негативная его критика, а рефлексия над историческим опытом народов, этносов, культур и выявление остаточного - универсально-человеческого. Благодаря самосознанию, воле, свободе и другим качествам «человеко-монады» гораздо менее ограничены во времени-пространстве. Действуя на основе взаимного уважения и доверия, субъекты увеличивают возможности самореализации. Вместо современных форм мировоззренческого антропоцентризма - безразличия к Другому, потребительства, нигилизма и индивидуализма - выдвигается принцип «антропности», человеко-размерности бытия [С. Крымский, Н. Моисеев В. Степин], который «предполагает, что человек как творческая сила способен быть причиной изменений в мире, вписан в природу материи более органично, чем это понималось ранее» [1, с.395]. Согласно этому принципу субъект социализируется и становится личностью благодаря идентификации не только с семьей, этносом, народом, группой, классом, цивилизацией и т.п., но и с человечеством в целом, верит в свою принадлежность к социуму и природе. Идеалы родовой идентификации выработаны в ходе разворачивания исторической драмы человечества. Это Справедливость, Свобода, Равенство, Истина, Красота, Добро. На воссоединение «горних» и «дольных» ценностей направлена неоклассическая интуиция, уравнивающая «горизонталь» эстетического плюрализма «вертикаль» этического универсализма. Современность востребует истину классической философии об «опережающей» приоритетности Добра, диалектически-противоречиво расширяющего сферу проявлений. Преодолевая ограничения классики, неоклассическая философия признает источником подлинно человеческой, благо-творительной деятельности не волю Провидения в различных его формах или субъективную вседозволенность, а свободу-ответственность индивидов, их культурно и исторически обусловленные знания-верования, ориентированные на выработку интересобъективных смыслов о нравственно-положительном. Добро выступает одновременно «действующей» и «целевой» причиной, условием самореализации и высшим смыслом жизни человека. Критерием движения к идеалам, к гармонии теоретического и практического разума является удовлетворение, которое испытывают субъекты вследствие обратной связи - позитивным оценкам их поступков другими субъектами.

Источники и литература

1. Крымский СБ. Человеческий интеллект и духовность на рубеже тысячелетий /
2. Пахомов Ю.Н., Крымский СБ., Павленко Ю.В. Пути и перепутья современной цивилизации.- К.: НАН Украины, 1998. - Гл.ХП. С. 380- 405.
3. Кьеркегор Серен. Наслаждение и долг. - Ростов-на-Дону. Изд-во «Феникс», 1998.
4. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. - М.: Институт экспериментальной социологии; Спб.: Алетейя, 1998.
5. Лоренц Конрад Кантовская доктрина априори в свете современной биологии //Человек. 1997. № 5. С19-37.
7. Моисеев Н.Н. Природный фактор и кризисы цивилизации // Общественные науки и современность. - 1992. - №5. -С87-95.
8. Рорти Ричард. От религии через философию к литературе: путь западных интеллектуалов //Вопросы философии, 2003, №3. С.30-41.
10. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. - М.: Изд-во «Весь мир», 2003.

Холопцев А. В., Денисюк М.А.

О СВЯЗИ ТЕНДЕНЦИЙ ИЗМЕНЕНИЯ АНОМАЛИЙ СРЕДНЕМЕСЯЧНЫХ ТЕМПЕРАТУР ПОВЕРХНОСТИ РЕГИОНОВ ЛЕСОСТЕПНОЙ И СТЕПНОЙ ЗОНЫ УКРАИНЫ С ТЕНДЕНЦИЯМИ ИЗМЕНЕНИЯ ОБЩЕГО СОДЕРЖАНИЯ ОЗОНА В УМЕРЕННЫХ ШИРОТАХ СЕВЕРНОГО ПОЛУШАРИЯ, ПРОЯВЛЯЮЩЕЙСЯ В ИНТЕРВАЛЕ КЛИМАТИЧЕСКОЙ ИЗМЕНЧИВОСТИ

Согласно современным представлениям о факторах межгодовой изменчивости среднемесячных температур поверхности различных регионов планеты [1], к числу значимых принято относить динамику общего содержания в атмосфере над ними различных парниковых газов.

Одним из парниковых газов является озон, вследствие чего можно ожидать, что изменения среднемесячных значений его общего содержания (ОСО) в атмосфере над различными регионами планеты способны влиять на динамику среднемесячных значений температур их подстилающей поверхности.

Во второй половине XX века ОСО как в глобальном масштабе, так и в средних, а также высоких широтах Северного полушария проявляло тенденцию к снижению [1-3]. В начале XXI века произошло радикальное изменение этой тенденции – ОСО начало увеличиваться [4-7]. Причины этих изменений в на-